

ОПЕРА
ЗВЕЗДА

Галина
ГОРЧАКОВА:

ПРИМАДОННУ

МОЖЕТ ОБИДЕТЬ КАЖДЫЙ

Среди российских солистов Вашингтонской Оперы **имя Галины Горчаковой стоит особняком** — исполнение «певицей Кировского театра из Санкт-Петербурга» партии Тоски вызвало настоящий «прилив любви к России и ее искусству» в консервативных американских артистических кругах. **Сама Галина любит Верди за то, что «ни один композитор не чувствовал так женский характер! У него женщина — это предмет обожания».**

Ирина АКИМУШКИНА,
Вашингтон

Горчакова дебютировала на международной сцене в Лондоне в 1991 году с партией Ренаты. Затем последовали «Евгений Онегин», выступления в Метрополитен-опера и в театре Ла Скала с «Мадам Баттерфляй» и «Пиковой дамой».

— Галина, говорят, вас «вымуштровали» родители-артисты. Где и когда вы начали петь на самом деле?

— Я действительно из семьи профессиональных певцов. Мои родители в свое время выступали в Новосибирском оперном театре, и я сидела с ними на репетициях. Вопрос, кем быть по жизни, практически не стоял. Но с детства я мечтала быть не певицей, а актрисой. Девчонкой я заворачивала себя в скатерти, воображая, что у меня длинное платье, репетировала роли перед зеркалом. Потом мне страстно захотелось стать балериной. Но тут уж вмешалась моя мама, сказала: «Галя, балерины хороши, когда они молоденькие, а к сорока годам они инвалиды». Так я и попала в музыкальную школу, окончила ее по классу фортепиано. Потом были музыкальное училище, занятия в хоре, дирижирование, и уже после всего этого я поступила в Новосибирскую консерваторию по классу вокала.

— Из Сибири — на ведущие мировые сцены?

— Знаете, я ведь окончила консерваторию в Новосибирске еще в доперестроечный период. Тогда для молодых исполнителей еще устраива-

лись «ярмарки выпускников». Именно после такой ярмарки меня и пригласили работать в Свердловский оперный театр. Но долго я там не задержалась. Как говорили Стоянов и Олейников, «нельзя десять лет ходить в одной кофточке».

— Вы легко выдержали конкурс в Мариинку?

— С конкурсами у меня не очень удачно складывалось. Два раза с отборочных конкурсов меня просто гнали, причем не кто иной, как Ирина Константиновна Архипова. Я плакала, страдала, но потом все-таки решила ехать на прослушивание. Но в Москву не тянуло. Москва всегда какая-то важная, себе на уме. Поехала в Питер — там как-то демократичнее, не чувствуешь себя чужой. Ехала в неизвестное. Меня прослушали, и я попала в труппу.

— В брошюре, посвященной опере «Тоска» на сцене вашингтонского Кеннеди-центра, вас представляют как звезду Мариинского театра. Каков ваш нынешний статус — вы все еще считаетесь солисткой Мариинки или «оперной солисткой мировых столиц»?

— У меня два больших изменения в жизни: я ушла из Мариинки и развелась с мужем. Решила, что теряю время. Я начала петь еще до перестройки, получить ведущую партию в театре было очень сложно. Посмотрите, что происходит в России сейчас — двадцатилетние мальчики и девочки со второго курса консерватории получают возможность петь ведущие оперные партии. С одной стороны, хорошо, что нет возрас-

Галина Горчакова
и Пласидо Доминго

Я с детства не выносила коллектива. В коллективе, какой бы он хороший ни был, нужно обязательно «подстраиваться». Почему я должна приспособливаться к ограниченным людям?

ных цензов на выступления. А с другой — оперный певец ведь должен «созреть». Мне в коллективе молодых и амбициозных было в последнее время как-то неуютно. Да, молодежь в России «раскрывается» рано, но — в составе коллектива. А я с детства не выносила коллектива. В коллективе, каким бы хорошим он ни был, нужно обязательно

«подстраиваться». Почему я должна приспособливаться к ограниченным людям? Терять время на общение с ними, что-то там доказывать? Сейчас я свободна, работаю по индивидуальным контрактам, и мне лично это очень нравится.

— А чем вызван ваш развод с мужем? Он ведь тоже певец по профессии?

— Да, он певец, но у него не было столько контрактов, как у меня. Он это страшно переживал и завидовал мне. Вы знаете, из своего личного опыта я вообще вижу — мужчина очень раздражается, когда жена или просто любимая женщина достигает больших высот профессии. Мы вместе прожили 12 лет, у нас сын-школьник, но я поняла, что дальше так продолжаться не может. Я вообще считаю, что когда муж и жена несчастны, то надо не мучиться, а сразу разводиться. Потому что все равно рано или поздно супруги к этому придут.

Многие женщины в России почему-то считают, что со временем все пройдет, перетрется. Но на самом деле терпеть и страдать ни к чему. Вы знаете, я не согласна с тем, что в нынешних условиях женщинам в России трудно выжить. Неправда. Не надо только делать из себя «страдалиц».

— Путешествует ли с вами по миру ваш сын?

— Да нет, не ездит он со мной. Он в Питере учится, а присматривает за ним моя мама. Человек он достаточно самостоятельный, уже принимает участие в музыкальных конкурсах. Прошлым летом его пригласили на конкурс в Италию. Видимся мы, к сожалению, не очень часто. Но зато каждая встреча — это подарок и для него, и для меня. Когда приезжаю, он всегда что-то сам готовит на ужин. В общем, мы с ним большие друзья.

— Когда вы выходили на сцену Вашингтонской Оперы, создавалось впечатление, что вы всю жизнь провели в этом зале.

— Мне проще петь на задних сценах. В России, к сожалению, в театрах очень много проблем. Все кругом «выживают», люди везде ищут крайних, и поэтому приму в опере может обругать и уборщица, и шофер. На Западе никто не носит с собой как с писаной торбой, но никто никогда не унижает. И потом: что обещают — то всегда выплачивают.